

- ¹ *Elias N* Über den Prozess Zivilisation Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen Bern, 1969 Bd 1-2 Употребляя в дальнейшем выражение "процесс цивилизации", я, следуя за автором рецензируемой работы, имею в виду понятие, введенное в научный оборот Н Элиасом
- ² *Russen und Russland aus deutscher Sicht 9-17 Jahrhunderts* München, 1988 S 244 Эта книга - 1-й том многотомного издания "Западно-восточные отражения", осуществлявшегося под руководством Л З Копелева В настоящее время вышли в свет 6 томов
- ³ *Kappeler A* Die deutsche Flugschriften über die Moskowiter und Iwan den Schrecklichen im Rahmen der Russlandliteratur 16 Jahrhunderts // *Russen und Russland aus deutscher Sicht 9-17 Jahrhunderts* München, 1988 S 173-182

М.Ю. Парамонова

"НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ИСТОРИЯ":
АРГУМЕНТ В СПОРЕ
ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЪЕКТИВНОСТИ?

Заметки о книге А. Деманда и не только о ней

«Несостоявшаяся история. Трактат о вопросе, "что было бы, если бы...?"» – таково название книги, с которой выступил известный немецкий антиковед Александр Деманд¹ Само название, как и стоящее за ним обозначение проблемы и предмета исследования кажутся риторическим оксюмороном и логическим противоречием. В них осуществляется инверсия традиционного предмета исторического рассуждения, который нуждается в так или иначе осуществившемся, реальном прошлом.

Тема предпринимаемого А. Демандом исследования скрывает в себе возможность ограничить его чистой и беспочвенной спекуляцией. Парадоксальность и спекулятивность работы не только осознаются автором, но, по видимому, специально и даже нарочито им подчеркиваются. Однако стоящее за этим стремление к своеобразному бунту против профессиональной конвенциональности носит, скорее, внешне демонстративный характер и не направлено, как кажется, на "разрушение устоев" профессиональной науки Целью исследования как раз и является выяснение эвристической значимости и научно-логических пределов рассуждения о "реальной" и "возможной" истории. Важным мотивом всей работы кажется защита права историка на умозрительное рассуждение и воображение. С точки зрения Деманда, ана-

¹ *Demandt A* Ungeschehene Geschichte Ein Traktat über die Frage was wäre geschehen, wenn ? 2 bearb Aufl Göttingen, 1986 Обсуждение этой работы см в откликах и рецензиях на первое издание *Gunther J* Was wäre geschehen, wenn ? // *Der Tagesspiegel* 1984 18 Nov, *Baring A* Vielleicht waren wir alle Buddhisten // *Die Zeit* 1985, 29 März, а также *Tellenbach G* "Ungeschehene Geschichte" und ihre heuristische Funktion // *Historische Zeitschrift* 1994 Bd 258, H 2 S 297-316 Ссылки на работу А Деманда даются в тексте по указанному изданию

литическое моделирование несостоявшихся исторических альтернатив имеет значение *метода* исторического исследования.

Возводя категории исторической "вероятности" и "реальности" в ранг центральных, акцентируя внимание на проблеме адекватности предмета и методов познания, автор обозначает связь своего "рассуждения" с современной полемикой о кардинальных проблемах исторической науки. Для того, чтобы понять пафос работы Деманда и попытаться истолковать его намерения, необходимо дать хотя бы беглую характеристику современной полемике о статусе исторического знания²

Накал дискуссии определяется как интенсивностью спора об исторической эпистемологии, так и состязанием в риторической убедительности³. Хотя границы между различными лагерями, сформировавшимися ради благородного дела репрезентации саморефлексии исторической науки, весьма подвижны, можно выделить отдельные модели дискурса⁴, сформировавшиеся в ходе дискуссий.

Эпицентром современной дискуссии о предмете и методах исторической науки является интеллектуальный бунт против сформировавшегося в академической науке прошлого столетия понимания историзма. Главными характерными чертами "старомодного историзма" считаются абсолютизация эмпирического характера истории как науки и убежденность в адекватности метода рациональной критики источников, равно как и техники формально-логического определения каузальных связей на осно-

² Аналитические обзоры современных дебатов, написанные с точки зрения более или менее нейтральных в "партийном" отношении позиций см *MacHardy K J Crisis in history or Hermes unbound* // *Storia della storiografia* 1990 17 P 5-17, *Idem Geschichtsschreibung im Brennpunkt postmoderner Kritik // Osterreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaften* (далее OZG) *Klios texte* 1993 N 3 S 337-369, *Rosenau P M Postmodernism and social sciences* Princeton, 1992, *Poststructuralism and the question of history / Ed D Attridge, e a Cambridge*, 1987, *Palmer B D Descent into discourse the reification of language and the writing of social history* Philadelphia, 1989. См также материалы ежегодных исторических форумов, проводимых с 1989 г журналом "American Historical Review", посвященных специально проблемам исторической эпистемологии

³ Исключительная значимость "риторики" в современных дискуссиях отмечается многими исследователями. В частности, один из наиболее оригинальных современных социологов П Бурдьё специально отмечает существенность "высокого стиля" в полемике об истине здесь риторическая убедительность оказывается не менее значимой (причем, осознанно значимой), чем собственно логическая или умозрительная оригинальность. См *Bourdieu P Language and symbolic power* Cambridge, 1991, *Idem Vive la cense! For heterodoxy in social science // Theory and Society* 1988 17 P 780 etc. О стилистических приемах современной дискуссии об "истории" см *MacHardy K J Geschichtsschreibung* S 338 etc. К МакГарди, вслед за П Бурдьё, определяет эту зрбу через формулу "столкновение за обладание символическим капиталом" (*Ibid* S 337)

⁴ В данном случае, я отталкиваюсь от введенной М Фуко и широко используемой современной гуманитарной рефлексией дефиниции дискурсивной практики. Она определяется как совокупность текстов и "документов", содержащих определенный набор идей и тем, подчиненных единой концептуальной модели и лежащих в одном "познавательном пространстве" (*episteme*, в терминологии М Фуко). Производной от этой базовой дефиниции является и категория "дискурсивной стратегии", подразумевающая сознательную манипуляцию идеями в риторических фигурами для достижения определенного "идеологического" эффекта. См *White H The content of the form* Baltimore, L., 1987 P. 30, 218 etc, *MacDonell D Theories of discourse An introduction* Oxford, 1986

ве добытых “достоверных” фактов⁵. Основной целью исторического исследования (не только желательной, но и практически осуществимой) полагалось достижение объективного знания и реконструкция реальной картины прошлого⁶. Концепция реализма, как адекватного воспроизведения и логической редукции действительности, одна из основополагающих идей новоевропейского рационализма, нашла свое место и в системе исторического познания.

Современная гуманитарная рефлексия не только подвергает сомнению однозначность понятия “реальность”, но и пытается обнаружить имманентную проблематичность процесса создания реалистического образа в сфере социального и гуманитарного знания⁷. Критика этих фундаментальных категорий исторического познания осуществляется в разных направлениях, приобретая характер весьма ожесточенной дискуссии между различными течениями. Их дифференциация зачастую обусловлена предпочтением методов других социальных и гуманитарных дисциплин и их переносом в систему исторического познания, что, в свою очередь, связано с пониманием самого “предмета” истории и принципов “конституирования” ее “исследовательского поля”⁸. Первый импульс к преодолению

⁵ *Rusen J. Historical enlightenment in the light of postmodernism: history in the age of the “New unintelligibility” // History and Memory. 1989. 1. P. 109–129.*

⁶ Традиционно это связывается с требованием-директивой Ранке, по мнению которого целью историка является изображение прошлого так, как оно действительно произошло. Подробнее анализ “реалистического представления истории” в историографии XIX в. см.: *White H. Metahistory: The historical imagination in nineteenth-century Europe. Baltimore; L., 1979.*

⁷ Принципиально новаторской в плане постановки проблемы “реалистического изображения” в европейской культуре кажется работа Эриха Ауэрбаха: *Auerbach E. Mimesis: Dargestellte Wirklichkeit in der abendländischen Literatur. Bern; München, 1967* (рус. пер.: Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 1976). О связи концепции исторического реализма и объективизма с верой в возможности рационального объяснения и о скрытой идеологической направленности этой “идеологически нейтральной” конструкции: См.: *White H. The content of the form. Baltimore; L., 1987.* Заданная Платоном проблема соотношения “образа” и “изображаемого” – одна из кардинальных проблем в европейской философии – стала одним из краеугольных камней в современной гуманитарной критике.

⁸ В этой связи необходимо указать, что сама по себе проблема своеобразия “исследовательского поля” исторического исследования и его “до-понятийного” конституирования не является новой для исторической философии и методологии. В частности, кантианским по своим истокам можно считать поиск рационального обоснования отличия исторических “фактов” от фактов других эмпирических наук. Это связано, во-первых, с их изначальной вторичностью (т.е. получением через документы, так или иначе пропускающие “аутентичный факт” через систему субъективного осмысления) и, во-вторых, с естественным присутствием в структуре любого исторического “факта” двух элементов – субъективной интенции и объективного “опыта”. Логическое обоснование адекватных “предмету” объективных методов исторического познания (допонятийное осознание плюс концептуальная редукция) является одной из специальных проблем немецкой историко-методологической традиции, начиная с нео-кантианцев. См.: *Weber M. Die “Objektivität” sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis // Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1988. S. 146–214; Baumgartner H.M. Kontinuität und Geschichte. Zur Kritik und Metakritik der historischen Vernunft. Frankfurt a.M., 1972; Nagl-Docekal H. Die Objektivität der Geschichtswissenschaft. Wien; München, 1982.*

“старомодного” реализма и рационализма был дан использованием методов и концептуальных обобщений из сферы социальных наук, что было обусловлено чрезвычайным ростом престижа социального знания в начале XX столетия⁹. Традиционно эта тенденция соотносится с историографическим направлением *социальной истории*. В рамках этой исследовательской парадигмы понятие исторической реальности было перенесено из сферы внешней, фактической или событийной в сферу определения базовых социально-структурных элементов и их функционального взаимодействия в конкретном историческом контексте.

Другое течение, именуемое социально-культурной историей, не отвергая некоторых принципиальных подходов социальной истории, изменило фокус своего специального интереса и технику исследования. Кристаллизовавшееся на почве социально-культурной истории за последние два десятилетия течение, называемое микроисторией, постаралось более решительно порвать с “идеалами” предшественников. Его “идеологи” обвинили “социальных историков” в интеллектуальном ригоризме и отвергли принцип глобализации и иерархизации социально-исторической реальности. За точку отсчета был выбран феномен субъективного социального действия и признание культурной обусловленности всех аспектов социального поведения¹⁰.

С наиболее радикальной и экстравагантной критикой традиционной иерархии категорий и методов исторического познания выступили представители так называемой литературной или текстуальной критики, для определения которой используются понятия исторического постмодернизма и/или деконструктивизма¹¹. Странников этого (весьма условного в своей целостности) направления объединяет стремление сблизить методику исторического исследования с принципами литературной критики. Как кажется, их основной пафос направлен на постановку перед истори-

⁹ Вероятно, сам феномен “философии истории” может рассматриваться как форма сопротивления пониманию истории в духе эмпирического сциентизма. См.: White H. *Metahistory*. P. 21 etc.; Meinecke F. *Zur Theorie und Philosophie der Geschichte*. Stuttgart, 1959. См. также: *Formen der Geschichtsschreibung* / Hrsg. von Koselleck R. u.a. München, 1982; *Twentieth-century culture. Modernism to deconstruction*. N.Y., 1988; Veyne P. *Comment on écrit l'histoire: Essai d'epistemologie*. P., 1978.

¹⁰ Дифференциация “микроистории” и “социальной” истории может описываться как в терминах противопоставления, так и взаимной дополнительности. См.: Schulze M. *Mikrohistorie versus Makrohistorie? Anmerkungen zu einem aktuellen Thema* // *Historische Methode* / Hrsg. Ch. Meier, J. Rüsen, München, 1988. S. 320ff.; *Bin V. Geschichte als Literatur*, S. 371ff. Микроисторические интерпретации вызывают как критику с точки зрения их далеко идущих выводов о ментальной обусловленности любого исторического феномена (*LaCapra D. Is everyone a mentalité case. Transference and the culture concept* // *LaCapra D. History and criticism*. Ithaca, 1985. P. 71–95), так и одобрение, в качестве пути “непосредственного исторического опыта” (*Ankersmit A. The reality effect in the writing of history: the dynamics of historiographical topology*. Amsterdam, 1985; *Idem. Wir schauen in einen Spiegel und sehen einen Anderen (Interview)* // *ÖZG. Klios Texte*. H. 3. S. 457–465.

¹¹ См.: *Modern European intellectual history* / Ed. D. LaCapra, S.L. Kaplan. Ithaca, 1982; *MacHardy K.J. Crisis in history; LaCapra D. Intellectual history and its ways* // *American Historical Review*. 1992. 97. P. 425–439; *The new cultural history* / Ed. L. Hunt. Berkeley, 1989.

ческим исследованием проблемы специфической значимости *языка и творимого им текста*: проблемы, обостренно воспринимаемой современной философской мыслью¹².

Отправной посылкой постмодернистского подхода к функциям исторического исследования является признание текстов единственной данностью исследуемого прошлого¹³. В интерпретации самого понятия "текст" (иногда метафорически расширяемого за пределы собственно письменного памятника) принципиальным является признание его дискурсивной природы: текст не является "зеркалом", предоставляющим аутентичное отражение фактов порождающего социального и культурного пространства, но относится к системе его идейного и риторического самоописания. В известном смысле и здесь абсолютизируется идея, высказанная еще ранее М. Фуко и М. де Серто, о том, что любой так называемый исторический источник является памятником мысли, созданным носителями коллективного сознания. Это означает, что текст обладает автономным (по отношению к социальному контексту) содержательным и смысловым полем – логическая предпосылка, основополагающая для филологического анализа художественной литературы.

Включение этого исходного утверждения в сферу исторического познания приводит к важным эпистемологическим последствиям: во-первых, выдвигается задача важности – и даже приоритетности – анализа литературных текстов; во-вторых, признается особый, литературный, характер "исторических документов". Утрачивая статус "священного сосуда" фактов и достоверных свидетельств, "документы" переводятся в разряд "литературы", обладающей преимущественно риторической природой¹⁴; в-третьих, особый смысл приобретает само ремесло историка – как с точки зрения методов исследования, так и возможного его результата. Не только основной, но и исключительной *реальной материей* для работы исследователя становятся "литературные" тексты, отражающие не действительность, а систему ее самоописания и самосознания (дискурс). Воспринятые таким образом "исторические источники" не только не заключают в себе аутентичной картины эпохи, но напротив скрывают ее¹⁵. Представителям постмодернизма свойственно полное отрицание традиционной иерархии "исторических источников", как она сформировалась в академической науке XIX века. Отрицание исключительной значимости "исторических документов" и редукции анализа литературных текстов к "квази-документальной" интерпретации было осуществлено уже "социальными ис-

¹² Text und Interpretation / Hrsg. Ph. Forger. München, 1984; Koselleck R. Sprachwandel und Ereignisgeschichte // Merkur. 1989. 486. S. 657–673; Derrida J. Of grammatology. Baltimore, 1976. См. также предисловие Р. Козеллека к немецкому переводу работы Х. Уайта: White H. Tropics of discourse: essays in cultural criticism. Baltimore, 1978.

¹³ В этом смысле характерна сущностная замена исторического факта (зафиксированного в тексте) *текстом* (как историческим фактом *sue ipso*). См.: LaCapra D. Rhetoric and history // LaCapra D. History and criticism. Ithaca; L., 1985.

¹⁴ Biti V. Geschichte als Literatur – Literatur als Geschichte // ÖZG. Klio's Texte. S. 378–379.

¹⁵ См.: Le Goff J. Histoire et mémoire. P., 1988. P. 304 etc.; LaCapra D. Rhetoric... P. 25; О "защите" познавательной значимости "исторического события" как такового, осуществленной Ж. Дюби, см.: Duby G., Lardreau G. Dialogues. P., 1980. Характерно, что собеседник определяет Ж. Дюби как "радикального номиналиста" и "нового позитивиста".

ториками". "Новая литературная критика" довела этот процесс разрушения "идолов" до критической точки, провозгласив традиционный подход "архивным фетишизмом" и отрицая всякую возможность анализа исторических текстов с целью извлечения или реконструкции "реальных фактов".

Эти отношения эпохи и ее свидетельств, определяемые через понятие "контекста" и "текста", лишают историческое исследование его собственно предмета – социальной и культурной *действительности*, сводят его к *интерпретации* литературных текстов. Проблематизируется сама объективность и *научность* исторического исследования¹⁶. В наиболее радикальном понимании труд историка становится фактом *литературы*, а историческое познание – формой *эстетического осмысления мира*¹⁷. Такую позицию в частности занимает один из наиболее ярких и эпатажных представителей этого направления – Х. Уайт, полагающий, что исходные предпосылки исторического сознания имеют языковые и литературные, риторические основания. Именно риторические фигуры (тропы) подчиняют себе собственно *рациональные формы* (идеология, теоретико-аналитические модели) осмысления прошлого. В этом смысле в логике Х. Уайта историческое исследование не имеет шансов на достижение статуса научной дисциплины, обладающей методом рационального познания истины и объективной реконструкции исторической реальности.

Не столь радикален в причислении ремесла историка к разряду "художественного опыта", но не менее экстравагантен в отрицании объективности исторического познания Д. Ла Капра¹⁸. Он предпочитает сравнение труда историка с занятием филолога, погруженного в интерпретацию обладающего автономной значимостью текста. Будучи верным последователем Ж. Дерриды, идеи которого он интерпретирует в контексте проблем исторической эпистемологии, Д. Ла Капра отрицает возможность познания исторического контекста через текст, однако оставляет шанс для более или менее адекватной интерпретации дискурса последнего¹⁹. Таким образом, историческое познание отождествляется либо с аллегорическим нарративом (как у Уайта), либо со "вторичным текстом" – интерпретацией самоинтерпретации эпохи (как у Ла Капры).

¹⁶ Не случайно приверженцы "традиций", такие как Л. Стоун и Н. Кантор, характеризуют постмодернистов как представителей современного нигилизма, враждебного традициям рационализма: "аутентичные нигилистические голоса новой эпохи" (Н. Кантор), "растущая армия врагов рациональности", "последователи модного культа абсолютного релятивизма, прорастающего в сфере философии, лингвистики, семиотики и деконструктивизма" (Л. Стоун). Цит. по: MacHardy K.J. *Geschichtsschreibung*. S. 338. См. также: Ellis J.E. *Against deconstruction*. Princeton, 1989.

¹⁷ Проблема особой значимости *формы* для исторического исследования, его нарративности, является предметом оживленного обсуждения в современной полемике. См.: White H. *Historical pluralism // Critical Inquiry*. 1986. 12. P. 486; MacHardy K.J. *Geschichtsschreibung...* S. 344ff.; Kellner H.K. *Narrativity in history: Poststructuralism and since // History and Theory*. 1987. 26. P. 259.

¹⁸ См. его указанные выше работы.

¹⁹ Hollinger D. *Discourse about discourse about discourse about discourse: A response to Dominic LaCapra // Intellectual History Newsletter*. 1991. 13. P. 3–18.

Упрощая, логику исторического постмодернизма можно определить как радикальную ревизию, или даже отрицание, всей конвенциональной парадигмы исторического исследования²⁰. Категория релятивизации определяет тождественность как самоидентификации сторонников, так и оценок противников. Разрушение верифицируемых взаимосвязей между элементами логической триады “контекст”–“текст”–“историческое исследование” изгоняет традиционную предметность из поля исторического исследования. Эмпирическая реальность замещается совокупностью текстов, не имеющих с ней логически определимых связей. Как следствие, сомнению или полному отрицанию подвергаются основополагающие для научной логики принципы объективного и рационального познания. Техника культурной герменевтики теряет всякие атрибуты предметной объективности и подчиняется пафосу абсолютной деконструкции, не нуждающейся в “факте”, “реальности”, логической корректности. Логике произвольного отбора и относительной истинности подчиняется как сам *предмет*, так и совокупность *суждений* о нем. Не случайно, историки, желающие оставаться на реальном, хотя и по-разному определяемом, пространстве своей дисциплины, достаточно болезненно реагируют на интеллектуальный “экстремизм” постмодернизма²¹.

В целом существо этой дискуссии может быть сведено к оппозиции понятий *исторического реализма* и *исторического релятивизма*. Граница между понятиями, равно как и соответствующими исследовательскими стратегиями кажется весьма условной, ибо понятия реализма, объективности, позитивизма в современной полемике часто используются в метафорическом, а значит весьма расширительном и эмоциональном смысле²². Так или иначе, услов-

²⁰ Необходимо отметить, однако, что наряду с радикальностью идей, образ “решительной новизны” создается и чисто риторическим и стилистическим образом. В частности, знаменитое утверждение разрыва с предшествующей традицией является следствием самоопределения, настаивающего на абсолютной собственной “новизне” и обвиняющего предшественников и оппонентов в консерватизме. См.: *Bourdieu P. Vive la science.*

²¹ С одной стороны, “экстремизм постмодернизма” может быть истолкован как стратегия, направленная на утверждение собственной оригинальности и завоевание прочных позиций (в перспективе – доминирования) в академической среде. С другой стороны, здесь в гротескном виде представлены некоторые наиболее болезненные проблемы современного философского и гуманитарного знания. В частности, к ним может быть отнесено ощущение кризиса всей системы социальной рефлексии, необходимости ревизии, проверки традиционных категорий исторического познания и осознание своей связи с предшественниками. См. подробнее: *Rusen J. Geschichte als Aufklärung? Das Dilemma des historischen Denkens zwischen Herrschaft und Emanzipation // Rusen J. Zeit und Sinn. Strategien des historischen Denkens. Frankfurt a. M. 1990. S. 21–49. Aufklärung und Gegenklärung in der europäischen Literatur, Philosophie und Politik von der Antike bis zur Gegenwart / Hrsg. J. Schmidt. Darmstadt, 1989.*

²² В этой связи любопытными представляются суждения о терминологически аморфном использовании понятий “позитивизм”, “объективизм”, “реализм” в современной полемике. Они зачастую носят характер бранных метафор, перекидываемых как волейбольный мяч из одного лагеря в другой (*MacHardy K.J. Geschichtsschreibung... S. 364 ff.*) П. Бурдьё считает, что основным камнем преткновения является вопрос об “объективности” или “субъективности” познания. Любопытными также кажутся наблюдения, что сами радикальные утверждения о субъективизме знания и невозможности для исследователя выступать в качестве “толкователя истины” несут в себе имманентную претензию на провозглашение (и обнаружение) “истинной” истины.

ные атрибуты “реализма” могут быть определены следующим образом: 1) стремление к самоидентификации исторического познания, не отрицающее интердисциплинарности и использования методов иных социальных наук и наук о культуре; 2) признание объективности предмета исторического познания, что не исключает, однако, допустимости разных принципов конституирования “исследовательского поля”, в том числе разнообразия ракурсов и аспектов рассмотрения, логических границ понятия “исторический факт”; 3) наконец признание возможности объективной реконструкции исторического прошлого, включая механизмы каузальности и прикосновение к имманентному смыслу истории.

В контексте современной полемики книга Деманда несомненно принадлежит стороне “реалистов”. Иронически переосмысляя “предмет” (возможное/реальное) исследования, она претендует на ревизию и апологию форм научно-логического познания, в частности методики историко-теоретического моделирования. Деманд стремится выявить потенциальные возможности традиционного восприятия истории как эмпирической науки, в которой категории факта, события, явления имеют безусловную значимость, а сам предмет исследования получает презумпцию реальности и внутренней логичности.

Деманд выступает как продолжатель классической традиции научно-философской спекуляции, с одной стороны, и формально-логического обсуждения *нормы* корректного исторического анализа – с другой²³. Не случайно уже в “оправдание” темы он иронически, но и очень серьезно заявляет, что подчиненное правилам научности обсуждение проблемы “исторических возможностей” может претендовать на звание “Нового Органонона” (S. 12). В стиле рассмотренных выше “эпистемологических баталий” автор сам определяет “интеллектуальную генеалогию” своих воззрений. Среди обильно и со вкусом цитируемых авторов преобладают “классики” историко-философской мысли, мнения и концепции которых зачастую прямо противоречат друг другу. Объединяет их, пожалуй, лишь общая приверженность традиции рационального мышления, не исключающая возможностей ее парадоксальной самоинверсии. Характерно, что для Деманда важна не столько претензия на систематизированное финальное объяснение, связываемая с тем или иным философским гением, сколько принципы размышления, *система правил*, лежащая в основе этого размышления. Соглашаясь или полемизируя с теми или иными высказываниями или идеями, он не видит необходимости в личной оценке стоящей

²³ Работа А. Деманда, как мне кажется, весьма органично вписывается в немецкую (германоязычную) струю современной полемики об историческом познании. В отличие от своих американских коллег, немецкие специалисты в области исторической методологии кажутся менее смелыми и неожиданными в своих утверждениях, но зато более корректными и взвешенными в своих суждениях. Они не столько поучают, как надо делать историю или рассуждают об отсутствии истории как науки, сколько пытаются осмыслить формальные параметры реально существующего исторического знания, его техники и характер вновь возникающих тенденций.

за ними завершенной метафизической постройки. Говоря иными словами, для стиля мышления Деманда характерно предпочтение конкретному ответу на вопрос системы критериев, в соответствии с которыми ответ может быть дан.

Деманд определяет предмет своего логического рассуждения как феномен несостоявшихся, не ставших исторической “реальностью” альтернатив и потенциальных возможностей истории. Само обращение к “истории в сослагательном наклонении” означает релятивизацию предмета исследования, которым в рамках традиционного исторического реализма может быть только то, что действительно произошло. Деманд, однако, осуществляет логическую инверсию той модели релятивизации, которая предполагает абсолютное разрушение поля достоверной определенности. Ее, в частности, представляет Х. Уайт, полагая, что “человек выпущен в Царство, где все возможно, ибо ничто не может быть исключено из категории действительного”. В логике Деманда, категории “возможного” и “действительного” разведены и подразумевают не только фикции научного сознания, но и феномены исторической реальности²⁴.

Пафос работы, однако, в равной степени направлен и против абсолютно-го релятивизма, и против жесткого детерминизма (“веры в детерминизм и необходимость”). Автор убежден, что граница исторической “действительности” не может быть очерчена только вокруг действительно состоявшегося. Она включает и спектр вероятных, но не реализованных возможностей. Он определяет потенциальную историческую возможность как “иную игру по тем же самым правилам” (S. 44), а историю как совокупность “пути однопавленной последовательности событий и ландшафта, по которому он проходит” (S. 45). Его логика не разрушает поля “исторической реальности” произвольным употреблением категорий действительного и возможного, а напротив расширяет его, утверждая статус “несостоявшейся, но вероятной возможности” как его необходимого элемента.

Поиск научного измерения феномена “несостоявшегося” определяет и весьма своеобразную формальную структуру работы. Автор последовательно выдерживает традиционную схему построения спекулятивного, подчиненного правилам логической систематизации рассуждения. Он начинает с определения предмета рассуждения, переходит к обозначению негативных взглядов на него, формулирует цели изучения предмета и его методик, демонстрирует технику конструирования “несостоявшегося” на примере конкретных исторических ситуаций, определяет сложности и позитивные возможности эвристического использования “несостоявшейся истории” в качестве логической модели.

Весьма своеобразной является и стилистика работы. Ее можно обозначить понятием “интеллектуальная игра” (Gedankenspiel). Многие напо-

²⁴ А. Деманд, различая “реальные” возможности истории и “реальную” осуществившуюся историю, вводит терминологическую дифференциацию в определение исследовательской задачи: возможная история подлежит “конструированию”, осуществившаяся – “реконструкции”.

минает подражание схоластическому трактату. Это и обильное цитирование "авторитетов", и использование их взглядов для обозначения собственной позиции, и намеренное столкновение чужих взглядов в собственной системе аргументов pro и contra. Можно отметить и нарочито метафорический, образный язык, сочетающийся с многообразием формальных дефиниций, равно как и постоянное возвращение автора к одним и тем же мотивам при внешней жесткости линейной логики рассуждения.

Жанровая форма научно-логического трактата, предполагающая систематизацию и тщательное дробление уровней и ракурсов рассмотрения предмета, сама по себе воплощает принцип иронии и самопародии, поскольку вводит нереальный по самой своей материи предмет в жесткую схему определения каузальных связей. Камертоном, которому Деманд подчиняет свой текст, служит высказывание Ницше о том, что всякое рассуждение на тему "что могло бы быть, если...", неизбежно приобретает иронический смысл.

Игровая серьезность работы Деманда указывает на ее связь с современными эпистемологическими дебатами, однако, она же диктует и умышленное сокрытие актуальности. Любопытно, что в книге ни разу не упоминаются современные споры: автор ссылается только на мнения безусловных "классиков" или дает анонимные формулировки позиций. Проблему поиска категориальной определенности понятий "действительное" и "возможное", движение научной логики между детерминизмом и релятивизмом автор рассматривает с точки зрения фундаментального вопроса об историческом познании, освобождая его от какого-либо конъюнктурного налета.

Работа Деманда представляет весьма наглядный и намеренно дидактичный пример выявления внутренних возможностей социально-структурной и событийной истории и формально-логических методов анализа. Одновременно обнаруживается и ряд уязвимых мест этой исследовательской парадигмы, связанных с конвенциональностью ряда категорий и методов: они представляются аксиомами, но в действительности являются лишь принимаемыми на веру предпосылками рассуждения. В связи с этим важно рассмотреть некоторые конкретные положения работы.

Деманд обосновывает правомочность изучения предмета указанием на его связь со сферой реальной истории (S. 14, 30, 39ff., 44ff.). Он вводит логическую дифференциацию категорий "вообще возможное" и "исторически возможное". Если первое полностью принадлежит сфере воображения и может быть описано в соответствии с формулой Людвиг Витгенштейна "Was denkbar ist, ist auch möglich", то "исторически возможное" может быть определено лишь на основе реального исторического опыта (S. 41-42). "Аргументы относительно возможности и вероятности нереализованного мы можем извлечь только из сферы реального" (S. 120). Признавая, что любая историческая ситуация чревата множеством возможных вариантов, Деманд считает, что определение их спектра и степени вероятности допустимо только на основе трезвого анализа фактической реальности (S. 60ff.). "Распростертая перед исторической действи-

тельностью» (S. 117), несостоявшаяся история из сферы чистой фантазии переходит в разряд научной реконструкции (S. 40).

Деманд отмечает, что изучение «несостоявшейся истории» должно осуществляться по всем правилам исторического исследования – исторические альтернативы могут быть сконструированы путем рационального рассуждения (S. 59). Научность метода и опора на фактическую реальность переводят конструирование «неосуществившейся истории» в исследовательскую проблему, отрицающую путь пристрастий и чистой фантазии, столь характерный для размышлений на тему «Что было бы, если...?» (S. 59ff., S. 107 ff.) Говоря о зыбких границах достоверности конструируемых альтернатив, он отмечает, что в историческом познании вообще невозможна окончательная уверенность в абсолютной истинности любых утверждений (S. 60ff., 117, 119). Относительной истинности суждений и реконструкций в сфере реальной истории вполне адекватна гипотетичность аргументов и спорность конструируемых моделей несостоявшейся истории (S. 59). Однако отрицание познаваемости истории способно полностью стереть границы между исторической реальностью и предполагаемой возможностью, свести рассуждение к бесконечному выяснению проблемы объективности исторического исследования (S. 117). Такая логика, по мнению Деманда, ведет к интеллектуальному абсурду, является игрой, разрушающей собственные правила.

Деманд полагает, что рациональная, основанная на «контроле реальности над воображением» (S. 132) реконструкция несостоявшихся альтернатив имеет прямую эвристическую значимость для изучения реальной истории. Анализ несостоявшихся возможностей, определение их спектра, меры вероятности и степени влияния на ход исторического процесса не только уточняет нашу картину исторического прошлого, но и выявляет меру корректности суждений о нем. Деманд, как кажется, внутренне связан с логикой рассуждения и некоторыми идеями Макса Вебера относительно методик и границ исторического и социального познания²⁵. Однако отмечая, что именно Веберу принадлежит постановка вопроса о необходимости изучения несостоявшихся возможностей, Деманд утверждает (едва ли, правда, с полным основанием), что им не были разработаны ни критерии анализа, ни принципы конструирования гипотетических ситуаций (S. 45). Подступ к этой практической задаче и составляет позитивное содержание работы Деманда.

Приводя в самом начале книги суждения, отрицающие значимость размышления о несостоявшемся для понимания реальной истории (раздел «Возражения», с. 11–16) и неоднократно возвращаясь к полемике с оппонентами, автор связывает отношение к данной теме с общим пониманием исторического познания. Он приводит три (гипотетически формулируе-

²⁵ На это указывает в своей статье Г. Телленбах см. *Tellenbach G. Op cit S 298, 310ff*. О веберовском влиянии на современные споры об исторической методологии см. *Nagl-Docekal H. Die Bedeutung Max Webers für die gegenwärtige Auseinandersetzung um die sogenannten Geisteswissenschaften // Wiener Jahrbuch für Philosophie 1976 9 S 116–138*

ных) негативных позиции. Первая утверждает бесполезность “несостоявшейся истории”, ее беспредметность, отсутствие какой-либо верифицируемой значимости “несостоявшегося” в системе генетически каузальных или системно-типологических связей. Вторая исходит из восприятия истории как последовательно эмпирической науки. Отступление от “реальных фактов” лишает рассуждения методических оснований, поскольку дедуктивное обсуждение интенций не имеет опоры в системе исследования, основанного на практическом опыте.

Третье возражение представляется Деманду наиболее существенным и опасным. Автор связывает его с последовательной релятивизацией как самого исторического процесса, так и возможностей его умозрительной реконструкции. Любое размышление о несостоявшихся альтернативах кажется здесь не только невозможным, но и прямо вредным, ибо всякое мысленное допущение иного хода событий, смены обстоятельств исторического действия неизбежно требует пересмотра всей совокупности исторических последствий. Спектр последствий развития любой потенциальной альтернативы кажется бесконечным и потому не поддающимся сколько-нибудь обоснованному просчету. Позиция, утверждающая релятивную значимость любого элемента исторического процесса в формировании его целостности, связана с теологической или философской релятивизацией самих возможностей рационального и логического познания.

Автор считает важным внутренним мотивом такого запрета на обсуждение исторических возможностей страх перед разрушением культурной и исторической идентичности. Он основывается на идее абсолютной взаимосвязи между историческим процессом в том виде, как он осуществился, и познавательными возможностями исследователя, т.е. сама логика познания рассматривается как непосредственное порождение состоявшегося культурно-исторического развития. В дискурсивной парадигме, которую Деманд обозначает как теологию истории, только состоявшуюся историю исследователь может воспринимать как свою историю. Предположение иного хода истории лишает историка оснований для рассуждения, а современность теряет свою исторически обусловленную идентичность. В философской перспективе соотношение истории и возможностей историка определяется через иные категории: само размышление о несостоявшемся представляет собой форму мысленного исключения размышляющего субъекта из истории.

Деманд считает, что предположение о бесконечном множестве единичных элементов, в равной степени влияющих на ход истории и не поддающихся верифицированному иерархическому или причинно-следственному упорядочению, основывается на отрицании как собственной логики, или “разумности”, исторического процесса, так и возможностей его рационального осмысления. Преодоление такого безграничного релятивизма традиционно решается через введение категории “детерминированности”, которая требует признания за осуществившейся действительностью статуса не поддающейся осмыслению необходимости. Такой ход мысли, полагает А. Деманд, был присущ крупнейшим европейским мыслителям

– Гердеру, Гегелю, Марксу, Лютеру, Шопенгауэру (S. 15). Этот философский и логический детерминизм представляется автором как метаморфоза исходного релятивизма и определяется как главный объект опровержения.

Рассуждая о релятивизации предмета и процесса познания истории, автор указывает на двойственность этой установки. С одной стороны, взгляд на историю, как на закрытый для проникновения извне мир, в котором все возможно, предстает как некое исходное, пред-категориальное воззрение, требующее своего рационального упорядочения. В этом смысле самый жесткий детерминизм является лишь логическим выходом из этой ситуации. С другой стороны, в сочинении Деманда встречаются отсылки к “осознанному” релятивизму, переводящему исторический анализ в сферу произвола, или абсурда (S. 107ff.). Защищая познавательную силу логически корректных рассуждений (в том числе и в моделировании несостоявшихся исторических альтернатив), автор видит в них срединный путь между крайностями детерминизма и релятивизма. Он не настаивает на финальной бесспорности объективности исторического процесса и всеислия научно-логических методов исследования, но утверждает необходимость соблюдения правил, являющихся условием участия в игре, называемой историческим исследованием.

Существенным элементом в размышлениях А. Деманда является проблема научной этики, одним из аспектов которой предстает ответственность современности перед будущим. Изучение исторической альтернативности кажется ему важным для понимания перспектив настоящего; “несостоявшееся прошлое” оказывается сопряженным с “несостоявшимся будущим” (S. 38–39, 135–137)²⁶. Однако дидактический аспект предстает у А. Деманда в весьма неожиданном преломлении. Автор отказывается от идеи полезности исторического опыта для практического применения обнаруженных закономерностей в подготовке будущего. В этом позиция А. Деманда близка “антипросветительским” идеям в современной “эпистемологической полемике”: в частности, отрицанию претензий исторического познания на объяснение истины, которые неизбежно придают историческому исследованию функцию идеологического господства.

А. Деманд считает, что выявление универсальных законов причинности и целей исторического развития лежит за пределами познания (S. 43, 136). Однако осмысление истории как океана неосуществившихся возможностей, где реализовавшаяся действительность представляется лишь островом, заставляет принять и настоящее как поле многих возможностей. Деятельность людей, обращенная в будущее, не может ориентироваться ни на исторически бесспорные правила выбора “нужной” перспективы, ни на саморегуляцию исторического процесса. Она всегда остается сферой выбора и ответственности, по самой своей природе про-

²⁶ Аналогичные мотивы см.: *Erdmann K.D. Historische Prognosen rückschauend betrachtet // Die Idee des Fortschritts: 9. Vorträge über Wesen und Grenze des Fortschrittsglaubens / Hrsg. E. Burck. München, 1963; Tellenbach G. Op. cit. S. 308ff.*

блематичных, ибо никто не знает, не окажется ли “правильно” избранный путь парадоксальной случайностью в глазах будущего.

А. Деманд определяет границы научной значимости моделирования исторических альтернатив, их практическое эвристическое значение. По мнению А. Деманда, познавательная значимость изучения “неосуществившейся истории” лежит не только в корректировке знания, но и в расширении самой сферы исторического исследования, которое, таким образом, выходит за пределы чисто эмпирической реальности.

А. Деманд выделяет четыре направления исследовательской стратегии, где использование аналитической модели исторических альтернатив является не только возможным, но и необходимым. При всех формальных различиях, каждое из них так или иначе связано с проблемой исторической каузальности.

Во-первых, это анализ ситуаций, в которых осуществляется выбор того или иного решения, иначе говоря, ситуации конкуренции планов и целей, оценка которых связана с просчетом последствий несостоявшихся решений. Особо важен анализ соотношения индивидуального целенаправленного действия, являющегося итогом оценки ситуации и выбора, с одной стороны, и его реальных последствий – с другой. Значимость сферы субъективного действия для феномена исторической альтернативности оценивается А. Демандом весьма высоко. В частности, определяя поле формирования “возможностей” и альтернатив, А. Деманд отводит ему место в пространстве между “субъективными целями действия” и “объективными обстоятельствами действия” (S. 43). Сама проблематика исторически возможного, таким образом, соотносится с миром человеческих планов, ожиданий, мотивов, включаемых в сферу объективного исторического процесса²⁷.

Постановка проблемы конкуренции планов и целей (S. 18–19), равно как и просчета удельного веса субъективного выбора и объективного контекста в определении направлений исторического развития, не является новой²⁸. Прежде всего аналитическую модель их исследования представляет идеальный тип “целерационального действия” Вебера²⁹. А. Деманд, однако, достаточно далек от веберовской гибкости в интерпретации социальной и культурной значимости “идей” в контексте исторического развития. Он предельно формализует значимость субъективного действия, признает в ряду его последствий лишь структурно или генетически обусловленные результаты. Это, в частности, отражено в предлагаемом

²⁷ О сфере “субъективного”, определяемого через понятие интенции как структурном элементе исторического процесса, пишет Э. Рюзен (*Rusen J. Historische Vernunft. Göttingen, 1983*). О кантовских истоках научно-логического осмысления двойственности исторических явлений, сочетающих субъективное намерение и объективные обстоятельства см.: *Nagl-Docekal H. Die Objektivität.*

²⁸ Весьма важной в этой связи кажется теория Фр. Майнеке о гетерогенности целей (*Meinecke Fr. Op. cit. S. 135ff.*), на что указывает Г. Телленбах (*Tellenbach G. Op. cit. S. 298*).

²⁹ *Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. 5. Aufl. Tübingen, 1972.*

им анализе альтернативы поведения Ганнибала после победы при Каннах и его возможных последствий. Он полагает, что если бы в 216 г. до н.э. Ганнибал принял решение о походе на Рим, весьма вероятно, что это, вопреки распространенному мнению, завершилось бы взятием “Вечного города”. Однако, анализ общего соотношения сил в Пунических войнах, свидетельствует, по мнению А. Деманда, что гипотетическая империя во главе с Карфагеном не могла быть долговечной. Мнение Мишле о том, что в ходе Пунических войн решалась глобальная проблема, какая из рас – индоевропейцы или семиты – будет властвовать над миром, кажется немецкому историку исторически невероятной. Он считает, что поход Ганнибала относился ко времени, когда превосходство Рима стало уже объективно неизбежным. А. Деманд, таким образом, жестко привязывает возможные результаты несостоявшегося (но вероятного) решения к реальным результатам Пунических войн и “объективной” (единственно возможной) оценке положения Рима. В его реконструкции не остается пространства для каких-либо иных – парадоксальных, с точки зрения его собственного анализа ситуации Рима – путей развития истории античного Средиземноморья. Представляется, что субъективность выбора интересует его не в своей широкой культурной отнесенности, но как формальный элемент в спектре объективных исторических возможностей.

Важен для А. Деманда и дидактический аспект: ситуация “выбора”, отражающая механизм реакции участников на потенциальные возможности развития актуального (для них) момента, является своеобразной универсальной парадигмой поведения людей в условиях “планирования будущего”. Методика корректного определения историком “реальных альтернатив” прошлого, связанных с возможностями субъективного действия, является поучительной в сфере “футурологических прогнозов”; рациональность анализа выходит за рамки профессионального этикета и приобретает значение нормы для процедуры принятия решений о “несостоявшейся истории” будущего.

Во-вторых, моделирование неосуществившихся альтернатив важно при изучении исторической каузальности. А. Деманд отталкивается от признания сложности причинно-следственных связей в истории, не укладывающихся в формулу “механической” каузальности, *causa aequat effectum*. Он считает моделирование ситуаций с отличным от “реальных” соотношением “причины” и “следствия” полезным для “идентификации” событий и процессов как реальных причин и следствий, равно как и для определения спектра соотносимых друг с другом условий и последствий.

Аналитическая ревизия схем причинности неизбежно упирается в проблему специфического для истории механизма реализации причинно-следственных связей. Здесь весьма существенным представляется изменение А. Демандом акцентов в вопросе об исторических возможностях. Он отмечает, что вопрос “Что произошло бы, если бы...?”, может быть заменен вопросом “Что должно было бы произойти, чтобы не...?”. Если первый вопрос предполагает поиск причин и следствий, то постановка второго требует рассмотрения исторического действия и его условий

(S. 106). Концентрация на условиях, т.е. широком контексте действия, требует особого внимания к проблеме собственно исторической предопределенности данного действия. В этом случае анализ проблемы альтернативности истории требует, как кажется, выхода за пределы формально-логических комбинаций и обращения к историко-культурной интерпретации. Однако при решении проблемы каузальности, как и в моделировании альтернатив, А. Деманд остается в пределах жесткой схемы структурной систематизации, дополняя ее искусной спекулятивной рефлексией по поводу диалектики “обусловленного”, “вероятного” и “случайного” в истории. Этим интеллектуальным изысканиям посвящены почти целиком шестой (“Сложности”) и седьмой (“Рассуждения”) разделы книги.

В-третьих, рассуждения об альтернативности истории значимы в сфере оценочных суждений. А. Деманд утверждает, что выдвинутое М. Вебером требование свободы исторического анализа от оценочных суждений никогда не сможет стать безусловной реальностью исследовательской практики. При всей беспристрастности размышляющего историка характеристика тех или иных явлений и процессов так или иначе упирается в культурную и историческую обусловленность его взглядов. Рассмотрение возможных альтернатив тому или иному реальному феномену может послужить источником корректировки оценочного, негативного или одобрительного, отношения к нему. А. Деманд весьма остроумно демонстрирует приемлемость этого утверждения на примере моделирования альтернатив победе германцев в сражении в Тевтобургском лесу с точки зрения их желательности в перспективе развития европейской истории и культуры. Начиная с Ульриха фон Гуттена, в германской историографии сформировался взгляд на это событие как на поворотный пункт национального развития, значение которого далеко выходит за рамки эпизода политической истории. В частности в нем видели гарантию свободы германцев от “римского ярма”. А. Деманд считает, что с точки зрения реалий римской политики предполагаемое “рабство” германцев является не более чем мифом национального сознания. Скорее всего, германские племена разделили бы судьбу галлов и иллирийцев, были бы романизированы и прочно интегрированы в римский культурный и политический космос. По его мнению, это могло отразиться на ходе всей последующей истории Европы, в частности на рубеже античности и средневековья было бы предотвращено вторжение варваров в пределы Империи, а Европа развивалась бы в ситуации прямого континуитета римской политической и культурной традиции. Однако, задается вопросом А. Деманд, насколько этот путь развития является желательным с точки зрения современного европейца? По его мнению, в случае предложенной им долговременной исторической перспективы, Европа – и в культурном, и в политическом, и в этническом плане – не состоялась бы как таковая.

В-четвертых, моделирование исторических возможностей исключительно важно в контексте определения значимости “вероятных случайностей” в развитии исторического процесса. А. Деманд подчеркивает необходимость различения исторически случайных и исторически закономер-

ных, или – точнее – обыденных событий. Определение значимости случайностей и произвольных решений для хода исторического процесса является одной из существенных эвристических проблем исторического исследования. В сущности, речь идет о кардинальном вопросе – о наличии некоей имманентной логики или “разумности” исторического процесса, которая способна адаптировать и подчинить себе бесконечное множество возможных случайностей.

Рассмотрение вопроса об исторических последствиях случайностей, полагает А. Деманд, необходимо связывать с аналитической реконструкцией последствий не осуществившихся, но возможных случайностей. Весьма интересным аналитическим ходом является выделение типов ситуаций и сфер исторического процесса с точки зрения влияния на них случайных происшествий или произвольных решений. А. Деманд считает, что это влияние велико в эпохи кризисов или на начальных стадиях процессов. Действие “случайностей”, по мнению А. Деманда, различно в отдельных “секторах” реальной (осуществившейся) истории: оно отсутствует в цивилизационных процессах, отчасти проявляется в сфере культурной истории, оказывается порой весьма существенным в сфере политической истории, имеет решающее значение в истории религии (S. 33–36).

Нетрудно заметить, что предлагаемая автором иерархия “исторических секторов” с точки зрения устойчивости перед случайностями и подверженности имманентной логике развития носит априорный характер и отражает его собственную модель структурирования исторического процесса. Отмечу, что сам автор, несмотря на собственную ироническую саморефлексию (или даже вопреки ей), не оговаривает умозрительной фиктивности модели по отношению к описываемой реальности. Однако отказ от релятивизации собственных логических и понятийных оснований формирует ситуацию заданности выводов: приступая к конкретному исследованию тех или иных ситуаций, исследователь оказывается обреченным на заранее predetermined strategy умозаключений. Построения автора отражают его исходные представления о структуре и природе исторического процесса, о границах и возможностях познания “смысла” истории.

А. Деманд отмечает, что достоверность реконструкции исторических альтернатив и их предполагаемых последствий имеет высокий коэффициент только в весьма ограниченных случаях. Прежде всего, на уровне единичных событий и в перспективе, максимально хронологически приближенной к исходной достоверной ситуации. Он полагает практически невозможным просчет альтернативных тенденций в сферах, которые определяет как “антропологические константы”, длительные, или эпохальные процессы. К ним он относит устойчивые формы социальной жизни, сферы “цивилизации”, производства, “организация”, “Большие Культуры”, эпохальные течения в культуре и длительные тенденции в сфере политических форм. Более того, оказывается, что эта проблема носит не только когнитивный характер. Весьма важным является утверждение автора, что эти сферы социального бытия лишены альтернативности в по-

токе исторического развития – “они предстают не столько как результат, сколько как *условие истории*” (S. 104ff., 121).

Еще менее доказательными кажутся рассуждения автора относительно общей структуры исторического процесса. Толчком или основанием для них служит опыт размышления о “несостоявшейся истории”, в частности вывод о чрезвычайно низком уровне вероятности в конструкции длительных или масштабных последствий несостоявшихся событий. Опираясь на это утверждение, А. Деманд выстраивает концепцию “уравновешивающего течения истории” (*Fließgleichgewicht der Geschichte*). Смысл этой категории-метафоры раскрывается в понятии “исправление историей собственных ошибок” (S. 125). Внутренняя логика и направленность исторического процесса, считает А. Деманд, обладает самостоятельной и исключительной устойчивостью и формирует свою структуру таким образом, что все потенциальные и реальные возможности, экстремальные явления и случайности оказываются в ней гармонически соотносены. Говоря об “узловой” схеме исторического потока (периоды направленного течения регулярно сменяются “ситуациями выбора” – S. 121) и изменчивости его темпа (время длительного и устойчивого существования прерываются моментами интенсивных изменений), А. Деманд определяет диалектику равновесия и кризисов. Характерно, однако, что ситуация кризиса, оказываясь временем интенсификации движения (Я. Буркхардт), лишь корректирует обусловленный и направленный поток (S. 122). В этой схеме центральное место отводится понятию длительной и устойчивой тенденции, которая сама определяет высокую степень вероятности (детерминированности) *закономерных явлений* и исправляет нежелательные изгибы *случайностей*. Устойчивая тенденция сама гармонизирует разнонаправленные устремления и делает невозможным далеко идущий эффект *экстремальных явлений*. Создавая образ телеологически предопределенного течения истории, А. Деманд, однако, убирает его графическую линейность и признает за ним способность к изгибам и поворотам.

Эта имманентная детерминированность, логичность и динамичность истории предстает как феномен, закрытый для достоверных суждений исследователя. А. Деманд считает, что адекватное постижение логики движения истории как тотального процесса невозможно; достоверному определению не поддается и истинное соотношение (*в текущей ситуации, но не в прошлом*) закономерных и случайных возможностей. Такая модель исторического процесса представляет собой изысканный и самоироничный возврат от рассуждения о потенциальной альтернативности истории к идее детерминизма, механизмы которого, однако, не поддаются адекватному интеллектуальному воспроизведению. Следуя своим убеждениям, А. Деманд “открывает” *правила* имманентной исторической обусловленности, но не конкретную *модель* ее воплощения. Не исключено, впрочем, что вся эта “метафизика” является не более чем пародией на философско-исторические рецепты предшественников.

Заключительным аккордом звучит признание А. Демандом своего “модернизированного гегельянства” (S. 135–136). Он выражает полную

готовность признать имманентную логичность и разумность истории, однако полагает, что презумпция истинности истории не является основанием для притязаний на ее постижение. Уже в силу этого люди – ученые ли, реальные ли участники событий – катастрофически и безнадежно ограничены в осознании истинных целей Истории с большой буквы и вынуждены творить собственную историю. Историю тотальную и историю человеческую А. Деманд весьма ловко разводит через понятия макро- и микрокосмоса, существующих по своим собственным, абсолютно не совпадающим законам. Законы каузальности, категории цели и мотивов являются достоянием микрокосмоса и не имеют решительно никакого отношения к историческому макрокосмосу. Так решительным и одновременным признанием абсолютной объективности и абсолютной субъективности истории, ее скрытости и доступности для рационального познания завершает свою интеллектуальную игру А. Деманд.

“Трактат” А. Деманда вполне мог бы получить подзаголовок “Рассуждения о профессиональной этике историка”. Не случайно его основным мотивом является защита “реальности” истории в ее двух ипостасях: “реальности” или предметности истории как материала для исследования и “реальности” как адекватности ее логического постижения. Признание этой двуединой формулы кажется ему исходным критерием научности исследования. Безусловная защита этой категории приобретает, однако, гротескный характер. Границы и возможности объективного познания оказываются бесконечно узкими перед лицом скрытой от него разумности тотальной истории. “Объективность” последней, в свою очередь, оказывается метафизической фикцией, основанной преимущественно на вере, а не на логической редукции эмпирического опыта. Эмпирическое поле истории, подлежащее адекватной экспертизе на предмет закономерностей и каузальных связей, представляет лишь верхушку айсберга “реальной истории”.

Атака А. Деманда на два исходных положения традиционной исторической науки: адекватность эмпирического поля исследования историческому процессу, во-первых, и абсолютное могущество рационального познания, во-вторых, сближает А. Деманда с борцами против “исторического реализма”. Однако настойчивая апология предметности, обращение к фактической реальности и действительности научно-логических методов познания носит весьма серьезный характер. Теряя конвенциональную абсолютность, категории научной объективности и реализма приобретают вполне определенную профессионально-этическую наполненность. А. Деманд считает, что отказ от них разрушает всю систему идентичности исторического исследования как такового: исследователь, отказывающийся от этих установок, становится своеобразным имитатором,ступающим границы профессиональной честности. В сущности работа А. Деманда является апологией рациональности. Рациональности, способной подвергнуть ироническому скепсису самые глубокие свои основания, однако осознающей необходимость защиты собственной идентичности как гарантии от саморазрушения и лукавого зангрывания со всепоглощающей риторикой.

Интенсивность и определенность рефлексии А. Деманда по поводу альтернативности истории провоцирует сопоставление предложенного им подхода с обращенными к тому же предмету идеями Ю.М. Лотмана, сформулированными им в книге “Культура и взрыв” и посмертно изданной статье “Изъявление господне или азартная игра?”³⁰. Исходным основанием для постановки проблемы исторической альтернативности для Ю.М. Лотмана является несогласие с традиционным взглядом на историю как линейный и однонаправленный процесс. Он считает, что происходит искажение действительности, рассмотренной в исторической ретроспективе: жесткая направленность взгляда из “настоящего во прошлое” неизбежно воспринимает произошедшие события “не только как наиболее вероятные, но и единственно возможные”. В этом отношении позиция Ю.М. Лотмана почти идентична подходу А. Деманда, отвергающему высокомерный “взгляд победителя”, стоящего у завершения исторического процесса, на его истоки. Оба исследователя признают безусловную презумпцию альтернативности исторического процесса.

Сходство в понимании существа проблемы не препятствует, однако, выбору различных путей ее разрешения. Рассуждения Ю.М. Лотмана и А. Деманда представляют не просто две версии, но две научные логики, уже в силу своих исходных оснований по-разному конституирующих предмет своего рассмотрения. Логика А. Деманда – это путь отчужденного наблюдения за объектом, требующий его непрерывной формальной систематизации и просчета соотношения “основных” и частных элементов. Логика Ю.М. Лотмана – это путь культурной интерпретации, обращенной к интегрирующей силе системы и ищущей не формальной упорядоченности ее элементов, но имманентной парадоксальности существования.

Реконструкции А. Деманда напоминают усилия шахматиста, просчитывающего различные комбинации, но неизбежно соблюдающего правила движения фигур и их иерархии. Отсутствие места для практического применения исторической и культурной герменевтики приводит к эффекту “плоскостного изображения”. Он проявляется и при демонстрации техники применения модели “несостоявшейся истории” в историческом исследовании, и в финальных суждениях о действии законов каузальности в истории, и в обсуждении диалектики закономерного и возможного, и в завершающей теоретической модели исторической динамики. Характерной для А. Деманда процедурой является, в частности, редукция сферы осознанного и ценностного мотивированного человеческого действия к статусу особого типа ограниченных в своих последствиях альтернатив, изначально детерминированных своей структурной принадлежностью тому или иному сектору социальной реальности. Субъективное человеческое действие, мир сознания и “идей” теряют свой специфическую объем-

³⁰ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992; Он же. “Изъявление господне или азартная игра?”. Закономерное и случайное в истории // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 353–364.

ность и “субъективность”, превращаются всего лишь в специфические формальные составляющие объективного процесса. В этом смысле метафизическая картина исторической динамики как разумного, все уравнивающего потока, с манихейским дуализмом разделенного на сферы макро- и микрокосмоса, кажется лишь образной инкорпорацией самой логики непрерывной формально-логической систематизации, доминирующей в размышлении А. Деманда.

Рассуждение Ю.М. Лотмана по самой своей структуре представляет прямую антитезу логике А. Деманда. Он изначально отталкивается от парадоксальной универсальности феномена культуры или, точнее, сферы знаковых систем (определяемой им через понятие “семиозис”) в контексте социального и исторического существования. Для сравнения отмечу только, что у А. Деманда феномен культуры редуцирован к понятию “сектор культурной истории”. Для Ю.М. Лотмана сфера культуры, являясь областью формирования и знаковой кодировки смыслов, требует “актантов” (термин Ю.М. Лотмана), создающих культуру и одновременно транслирующих ее в систему социального поведения. В модели Ю.М. Лотмана творческое, субъективное, осмысленное и ценностно детерминированное поведение людей представлено центральным элементом исторического процесса. Сферу культуры Ю.М. Лотман рассматривает в качестве динамического ядра истории. Не случайно значительная часть работы “Культура и взрыв” отведена описанию механизмов культуры, специфике ее языка, ее отношению к внешней “объективной” социальной реальности. Эти отступления от основной темы – проблемы исторической динамики – вовсе не являются случайными. Внутренний динамизм и парадоксальность культуры, ее экспансия во все сферы социальной жизни конституируют не только ее статус динамического ядра, но и оказывают прямое влияние на механизмы общ исторического движения. Способность культуры к взрывам, производству принципиально новых смыслов и кодов, преодолению собственной инерции, совмещению несовместимых явлений, наконец, превращению случайного в закономерное в ситуации взрыва являются ее важнейшими имманентными характеристиками. Ю.М. Лотман отмечает в качестве существенной структурной особенности культурной динамики движение между традицией (повторением известного) и созданием нового. Последнее, в его видении, неизбежно приобретает взрывной характер, но не является точкой кризиса, лишь прерывающей размеренность объективно предопределенного движения. Культурный взрыв становится моментом творчества, где всякая обусловленность теряет свою действенность, где открывается путь для возникновения непредсказуемых альтернатив. Существенным элементом всей концепции является гипотеза о том, что ситуация взрыва неизбежно сопровождается порождением принципиально новых, не запрограммированных системой явлений: дальнейшее “спокойное” развитие адаптирует их и оценивает как обусловленную закономерность, однако взгляд с другой стороны вскрывает их экстремальную новизну.

Мир субъективного человеческого действия отражает динамическое своеобразие культуры. В то же время он обладает и индивидуальной спецификой. Ю.М. Лотман признает корректировку его культурно обуслов-

ленной динамичности внешними безличными и длительными процессами. Принимая концепцию длительных исторических процессов, лежащих как бы вне воздействия субъективных действий и случайностей, Ю.М. Лотман, однако, отказывается признать за ними определяющее значение в структуре исторической динамики. "История не есть только сознательный процесс, но она и не только бессознательный процесс". История предстает как "взаимное напряжение того и другого". Отраженный в человеческом творчестве и субъективности мир культуры служит "источником динамизма", в то время как внешние, длительные исторические процессы являются залогом устойчивости, не допускающей превращения динамики в хаос. Природа этих процессов "большой длительности", хотя они и характеризуются как внешние по отношению к культуре, тоже имеет, согласно Ю.М. Лотману, культурную обусловленность – во всяком случае, они явно сопоставимы с механизмами организации и сохранения традиции.

Давая характеристику общим закономерностям исторической динамики, Ю.М. Лотман видит в ней прямое отражение культурной динамики, структуру которой он определяет как узловую. "Узел", прерывающий линейное движение, является моментом взрыва, прерывающего действенность механизмов каузальности и способного породить неожиданные для системы явления. В состоянии "взрыва" смешиваются все внутрисистемные параметры, и линейный процесс трансформируется в континуум.

Казалось бы, в представлениях Ю.М. Лотмана и А. Деманда об исторической динамике можно обнаружить много точек пересечения. Оба признают альтернативность развития, "узловую" схему движения истории, действенность случайностей в моменты кризисов, неоднозначность законов исторической каузальности, наконец, корректирующую силу длительных исторических процессов. Оба исследователя приходят к заключению о сложном и диалектичном соотношении "закономерностей", "вероятностей" и "случайностей" в истории. Однако это сходство оказывается весьма эфемерным на уровне целостного отношения к феномену.

У А. Деманда основой исторического динамизма оказывается органическое движение длительных тенденций, сливающихся в единый поток и подчиняющих себе всякого рода неожиданности, выбивающиеся из ряда длительной обусловленности. Социальная система не знает стремительных внутренних переломов, но способна на последовательную смену тенденций, механизм которой скрыт от человеческой логики и находится вне сферы человеческих усилий. Мысль Ю.М. Лотмана, как кажется, разворачивается в противоположном направлении. Механизм исторической динамики соотносится им с состоянием кризиса, или – точнее – культурного взрыва. Эта точка видится ему пучком альтернатив, подчиняющихся не закону вероятности, но случайности; в ней происходит парадоксальный, с точки зрения системной каузальности, выбор. Экстраординарность его уже в момент осуществления начинает нивелироваться механизмами традиции, однако, лишь после привнесения момента неожиданной новизны в саму систему. Логика исторической динамики у Ю.М. Лотмана под-

разумеает способность социальной системы, подчиненной законам развития культуры, к парадоксальному и взрывному самообновлению. Предлагаемая им модель включает, по-видимому, не одну, а две пары оппозиций, выстраиваемых из категорий “взрыв”-“линейная адаптация” и “взрыв” – “сохранение традиции”. Первая придает ситуации взрыва смысл экстраординарного события, сменяющего уравновешенный ход событий. Вторая признает состояние взрыва некоей константой существования социальной системы, подчиненной механизмам культуры. Историческая динамика оказывается соотносенной не только со схемой узлового движения, но и с постоянным балансированием между “незаконными” обновлениями и поддержанием традиции.

Сходящиеся в постановке проблемы и ряде характеристик работы А. Деманда и Ю.М. Лотмана представляют феномен контрапункта различных научных логик: логики формализующего упорядочения и логики культурной интерпретации. Ни одна из них ни лучше, ни убедительнее другой, но каждая ищет и находит в предмете наблюдения то, чего сама интуитивно ожидает: одна – равновесия и упорядоченности, другая – парадокса и неожиданности. Их органическое сведение в рамках единого исследования представляется невыполнимой утопией. Однако мысленное признание правды другой логики, при выборе одной из них в практическом исследовании, кажется условием идентификации самого исследования и как научного, и как исторического.